

Е. П. Себякина¹¹ Независимый исследователь

Систематизация юридических фактов в сфере информационной приватности: матричная классификация

Себякина Елена Павловна, независимый исследователь; сертифицированный профессионал в сфере информационной приватности – сертификат CIPP/E с 2018 г., № 000244944I; старший консультант, «Дата прайваси офис»
E-mail: sebyakinamsu@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0005-5928-5930>

Аннотация

Цель: систематизация юридических фактов в сфере информационной приватности путем матричной классификации с целью выявления логики и закономерностей динамики правоотношений в этой области.

Методы: историко-правовой анализ, классификация правоотношений и юридических фактов, суперпозиция классификаций с целью выявления точки их пересечения, заимствование междисциплинарной концепции «расширенного Я» и интеграция ее в правовую теорию, абдуктивный метод, метод систематизации, нормативно-правового анализа и анализа судебной практики.

Результаты: предложено расширение понятия объекта личного права на информационную приватность; разработана матричная классификация юридических фактов на примере абсолютного гражданского правоотношения информационной приватности; обосновано прикладное значение применения междисциплинарной концепции «расширенного Я»; выполнена классификация сфер жизнедеятельности субъекта персональных данных, позволяющая углубить понимание таких квалифицирующих признаков персональных данных, как относимость и определяемость; обосновано пять презумпций в сфере информационной приватности; разъяснена природа феномена «переживания» прав информационной приватности; сформулированы общие закономерности динамики правоотношений информационной приватности.

Научная новизна: уникальность исследования заключается: в комбинации классической цивилистической классификации юридических фактов с классификацией сфер жизнедеятельности субъекта персональных данных и разработке матричной методологии такой классификации; выявлении юридического значения естественных и приобретенных свойств персональных данных; обнаружении концептуальной важности для права информационной приватности ожидаемой степени свойств персональных данных; предложении расширенного понятия личного нематериального блага информационной приватности и выявлении внутренних пределов его осуществления; формулировке пяти презумпций в сфере информационной приватности; углублении понимания таких квалифицирующих признаков персональных данных, как относимость и определяемость.

Практическая значимость: предложенный автором анализ юридических фактов может быть использован законодателем при конструировании и интерпретации правовых норм, регулирующих информационную приватность; правоприменителями – при квалификации фактов как юридически значимых, а также как инструмент выявления скрытого правоотношения на основании известных юридических фактов; судами – при разрешении споров о нарушениях прав информационной приватности. Проработка таких квалифицирующих признаков персональных данных, как относимость и определяемость, позволяет облегчить квалификацию данных как персональных и послужить аргументом в соответствующих теоретических спорах.

Ключевые слова:

информационная приватность, персональные данные, юридические факты, абсолютные правоотношения, расширенное я, self-extension, правоотношения, динамика правоотношений, матричная классификация, презумпция конфиденциальности, свойства персональных данных, ожидаемая степень свойств

Благодарности

Автор выражает благодарность эксперту в области информационной безопасности Дроздову Андрею Валентиновичу за отзывы, полезные рекомендации и веру в мои силы. Глубокая признательность доктору юридических наук, профессору МГУ имени М. В. Ломоносова Белову Вадиму Анатольевичу за заочное менторство и учебники по гражданскому праву, вдохновляющие автора на эту работу, послужившие эталоном юридической мысли и неоценимым источником знаний. Огромное спасибо моей семье за поддержку и терпение. Сердечная благодарность моей дочери Таисии и моему сыну Тимофею за мотивацию, ресурс и радость.

Как цитировать статью: Себякина, Е. П. (2026). Систематизация юридических фактов в сфере информационной приватности: матричная классификация. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(2), 459–476. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.2.459-476>

Scientific article

E. P. Sebyakina¹

¹ *Independent researcher*

Systematization of legal facts in the field of information privacy: matrix classification

Elena P. Sebyakina, independent researcher; certified professional in information privacy – CIPP/E certificate No. 000244944I of 2018; Senior consultant, Data Privacy Office
E-mail: sebyakinamsu@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0005-5928-5930>

Objective: to systematize legal facts in the field of information privacy through matrix classification in order to identify the logic and patterns of legal relations dynamics in this area.

Methods: historical and legal analysis, classification of legal relations and legal facts, superposition of classifications in order to identify the point of their intersection, borrowing an interdisciplinary concept of the “extended Self” and integrating it into legal theory, abductive method, systematization, regulatory analysis, and analysis of judicial practice.

Results: the author proposed an extended concept of the object of personal right to information privacy. The work developed a matrix classification of legal facts using the example of an absolute civil-legal relationship of information privacy. The author substantiated the applied significance of the interdisciplinary “extended Self” concept and classified the spheres of life of a personal data subject. This deepens the understanding of such qualifying features of personal data as relevance and definability. Five presumptions in the field of information privacy were explained; the nature of the phenomenon of “experiencing” the information privacy rights was clarified. General patterns of dynamics of legal relations of information privacy were formulated.

Scientific novelty: the research combines the classical civilistic classification of legal facts with the classification of the spheres of life of the personal data subject and develops a matrix methodology for such classification. It reveals the legal significance of natural and acquired properties of personal data and the conceptual importance of the right to information privacy of the expected degree of personal data properties. The author proposes an expanded concept of the personal intangible good of information privacy and identifies the internal limits of its implementation. Five presumptions in the field of information privacy were formulated, in order to deepen the understanding of such qualifying features of personal data as relevance and definiteness.

Practical significance: the proposed analysis of legal facts can be used by legislators in the construction and interpretation of legal norms governing information privacy; by law enforcement agencies – in qualifying facts as legally significant and identifying hidden legal relationships based on known legal facts; and by courts – in resolving disputes about violations of information privacy rights. The elaboration of such qualifying features of personal data as relevance and definiteness helps to qualify data as personal and serves as an argument in relevant theoretical disputes.

Keywords:

information privacy, personal data, legal facts, absolute legal relations, extended self, self-extension, legal relations, dynamics of legal relations, matrix classification, presumption of privacy, personal data properties, expected degree of properties

Acknowledgements

The author is grateful to Andrey Valentinovich Drozdov, an expert in the field of information security, for his feedback, useful recommendations and faith in my abilities. I am deeply grateful to Vadim Anatolyevich Belov, Dr. Sci. (Law), Professor at Lomonosov Moscow State University, for his correspondence mentoring and textbooks on civil law, which inspired the author to do this work and served as a standard of legal thought and an invaluable source of knowledge. Many thanks to my family for their support and patience. Heartfelt thanks to my daughter Taisiya and my son Timofey for their motivation, resource, and joy.

For citation: Sebyakina, E. P. (2026). Systematization of legal facts in the field of information privacy: matrix classification. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(2), 459–476. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.2.459-476>

Введение

Настоящая статья развивает предложенную автором концепцию правоотношений информационной приватности. Право на информационную приватность имеет множество определений, которые обобщенно можно свести к праву индивида на управление и контроль его персональных данных и манипуляций ими. Информационная приватность является одним из семи видов приватности (Finn et al., 2013. P. 4). Тема именно информационной приватности в последние десятилетия стала предметом изучения в отечественной юридической литературе (Дмитрик, 2025; Геращенко, 2022; Матвеев, 2024; Чеснокова, 2024).

Насколько известно автору, до настоящего времени ни один правовед, цивилист или профессионал в сфере информационной приватности не исследовал юридические факты, порождающие, изменяющие или прекращающие каждый из типов правоотношений информационной приватности. Более того, не для всех специалистов очевидна необходимость или даже возможность такого анализа. В частности, для стран англосаксонской правовой системы сама концепция правоотношений является чуждой (Kelsen, 1967; Merkl, 1931) либо же заслуживающей применения преимущественно в цивилистике при рассмотрении гражданско-правовых сделок. Настоящей работой автор попытается восполнить этот пробел и классифицировать юридические факты, характерные для сферы информационной приватности.

Задачи. Развитие теории юридических фактов является одним из элементов теоретико-правовой задачи по анализу состава правоотношений в сфере информационной приватности. Знания о юридических фактах позволяют лицу, сталкивающемуся с событиями в реальном мире, используя абдуктивный метод, квалифицировать правовые явления и реконструировать реальность. Это позволяет выявлять нарушенные права и применимые нормы права. Кроме того, глубокое исследование свойств персональных данных позволило автору более точно определить суть объекта права на информационную приватность.

Основной метод исследования, используемый автором в настоящей работе: наложение на ранее разработанную классификацию правоотношений информационной приватности четырех других классификаций: 1) классификации юридических фактов по результату их воздействия на динамику правоотношений (возникновение, изменение или прекращение правоотношения); 2) классификации юридических фактов по критерию их инициатора (субъект персональных данных, третьи лица, государство, события); 3) классификации юридических фактов по типу: поступки, акты, неправомерные поступки/бездействие и состояния; 4) классификации сфер жизнедеятельности субъекта, внутри или в отношении которых могут происходить юридические факты и, как следствие, возникать, изменяться и прекращаться правоотношения информационной приватности.

Автор заимствует и развивает уже существующую междисциплинарную концепцию таких сфер жизнедеятельности из философии и социологии – концепцию «расширенного Я» (*extended self*), родоначальником которой является американский философ и психолог Вильям Джеймс (James, 1890. Pp. 291–292). Такая матричная классификация позволяет автору систематизировать работу по выявлению точного места конкретного юридического факта в системе юридических фактов, продемонстрировать логику и закономерности в динамике правоотношений информационной приватности. Автор предлагает рассмотреть типы юридических фактов, приводящих в динамику правоотношения информационной приватности, на примере абсолютного гражданского правоотношения информационной приватности¹.

¹ См. подробнее об абсолютных и иных типах правоотношений информационной приватности: (Себякина, 2024).

Результаты исследования

1. Абсолютное гражданское правоотношение информационной приватности

В зависимости от степени определенности участников общая теория права, и гражданское право в частности, выделяют абсолютные и относительные правоотношения. В абсолютных правоотношениях определено только управомоченное лицо, носитель права, которому с другой стороны противопоставлено неограниченное число неопределенных лиц².

Особенностью абсолютных правоотношений в сфере информационной приватности является то, что все противостоящие субъекту неопределенные обязанные лица обязаны воздерживаться от совершения действий, нарушающих личное право субъекта персональных данных на информационную приватность.

Объектом личного права на информационную приватность является обеспеченная законом мера дозволенного, предписанного или запрещенного свойства персональных данных, т. е. ожидаемая субъектом степень свойства его персональных данных (более подробно о степенях свойств персональных данных см. в разделе 2.7.2.1 настоящей статьи).

Таким образом, право на информационную приватность можно определить как право субъекта на управление ожидаемой степенью любых свойств его персональных данных, субъективное право субъекта персональных данных в абсолютном правоотношении информационной приватности – как право требовать от третьих лиц сохранения ожидаемой степени любых свойств персональных данных, а юридическую обязанность обязанных лиц в абсолютном правоотношении информационной приватности – как обязанность не препятствовать сохранению ожидаемой субъектом степени любых свойств его персональных данных.

2. Виды юридических фактов, приводящих правоотношения в сфере информационной приватности в динамику (на примере абсолютных правоотношений в сфере информационной приватности)

Юридические факты рассматриваются как в рамках общей теории права, главным образом в работах по теории правоотношений, так и в рамках различных отраслей права³. Изучение этого правового явления важно для правоприменителей и практиков, поскольку установление или подтверждение юридических фактов является одной из их главных задач: без этого немислимы правильное применение закона, защита прав граждан и организаций, разрешение споров, привлечение к ответственности (Ячменев, 2012. С. 76).

Под юридическими фактами в цивилистике принято понимать факты реальной действительности, с которыми в силу подлежащих применению правовых норм связывается возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Здесь и далее автор опирается на определение и классификацию юридических фактов, предложенные в учебнике В. А. Белова по гражданскому праву⁴, ввиду их детальной проработки и общей универсальности.

2.1. Действия и события. Самой базовой классификацией юридических фактов, восходящей к самому Фридриху Карлу фон Савиньи (2012), является разграничение юридических фактов по критерию зависимости своего наступления и существования от воли субъектов правоотношения: на *юридические действия* (волевые поведенческие акты) и *юридические события* (явления и процессы реальной действительности, возникающие и протекающие безотносительно к участию в них субъектов правоотношения и с которыми закон связывает известные правовые последствия).

Со времен Савиньи система юридических фактов и их классификация были существенно дополнены и развиты в трудах германских, итальянских, советских и иных цивилистов (Бакирова, 2023; Албогачиев и др., 2021; Вишневский, 2013).

² Например, отношения, урегулированные ст. 24 Конституции РФ, могут быть отнесены к абсолютным: все лица должны воздерживаться от сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия.

³ Бабаев, В. К. (ред.). (2023). Теория государства и права: учебник для вузов. Юрайт. С. 458.

⁴ Белов, В. А. (2026). Гражданское право: В 4 т. Т. II. Общая часть: В 2 кн. Кн. 2: Факты (2-е изд.). Москва: Юрайт. С. 11.

Сфера информационной приватности изобилует действиями, приводящими правоотношения в динамику, а также к возникновению, приобретению, присвоению, изменению, уничтожению или утрате *относимости*⁵ *тех или иных данных к субъекту*⁶. При этом инициатором таких действий может выступать не только сам субъект персональных данных, но и третьи лица, в том числе государства.

Примерами юридических действий (Титов, 2021), приводящих в динамику абсолютные правоотношения в сфере информационной приватности, являются, в частности: активность субъекта в реальном или виртуальном пространстве, вступление в правоотношения, определение субъектом места и способа хранения и защиты своих персональных данных, вступление в правоотношения по обработке персональных данных, определение объема данных, подлежащих обработке, управление ожидаемой степенью свойств своих персональных данных, публичное заявление об ожидаемой степени свойств своих персональных данных и т. п.

К примерам юридических событий, приводящих в динамику абсолютные правоотношения в сфере информационной приватности, можно отнести обстоятельства непреодолимой силы, случаи, рождение, заболевание, смерть, утрату способностей, рождение детей, принятие закона или иного нормативного акта, сложившуюся судебную практику и т. п.

2.2. Правомерные и неправомерные действия и бездействие. В свою очередь, юридические действия принято подразделять на правомерные и неправомерные (Кротова, 2020). Правомерными называются действия, совершаемые в рамках реализации принадлежащих лицам юридических способностей и возможностей. Неправомерные же, или противоправные (правонарушения), – это такие действия, которые выходят за рамки признаваемых законом за лицами юридических способностей и возможностей.

Примерами неправомерных действий, приводящих в динамику абсолютные правоотношения в сфере информационной приватности, являются, в частности: использование чужого имени или подложных документов; уничтожение документа, создание фейкового аккаунта, дипфейка⁷, неправомерный доступ к данным; неправомерное уничтожение персональных данных субъекта или их носителей и т. п.

Примером неправомерного бездействия, приводящего в динамику абсолютные правоотношения в сфере информационной приватности, является, в частности: неисполнение обязанным лицом трудовых, договорных или должностных обязанностей по обеспечению конфиденциальности, безопасности и защите персональных данных и т. п.

2.3. Юридические акты и поступки. Правомерные действия традиционно разделяются на юридические акты, т. е. действия, с которыми закон связывает те гражданско-правовые последствия, на достижение которых эти действия непосредственно направлены, и юридические поступки (Якушев, 2003), юридические последствия которых определяются непосредственно законом, безотносительно к тому, на достижение какого именно результата они направлены, да и направлены ли вообще⁸.

⁵ Относимость – один из четырех блоков конструкции персональных данных. Данные считаются относящимися к субъекту, если по своему содержанию они о конкретном физическом лице, либо используются в целях оценки, влияния на статус или поведение субъекта, проявления определенного отношения к субъекту, либо по своему результату эти данные, вероятнее всего, повлияют на права и интересы субъекта. (Себякина, Е. П. (2020). Классифицирующие признаки персональных данных. RPPA. https://rppa.pro/analitika/klassificirujuschie_priznaki_personalnyh_dannyh). Иными словами, это взаимосвязь между субъектом и содержанием соответствующей информации о нем.

⁶ Утрата или отсутствие такой связи (т. е. относимости к субъекту) не позволяет характеризовать информацию как персональные данные (Бундин, 2017).

⁷ Согласно Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonized rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828, «дипфейк означает созданное или манипулируемое искусственным интеллектом изображение, аудио- или видеоконтент, который напоминает существующих людей, объекты, места или другие объекты или события и может ошибочно показаться человеку подлинным или правдивым». https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AL_202401689.

С точки зрения квалификации дипфейка как расширения личности, производного от основного «я», достаточно ответить на вопрос: считает ли сам субъект, что дипфейк имеет сходство с ним? И если ответ утвердительный, то такой дипфейк должен быть признан расширением, производным от основного «я» субъекта персональных данных.

⁸ Белов, В. А. (2026). Гражданское право: В 4 т. Т. II. Общая часть: В 2 кн. Кн. 2: Факты (2-е изд.). Москва: Юрайт.

Примерами *юридических поступков*, приводящих в динамику абсолютные правоотношения в сфере информационной приватности, являются: дополнение характеристик тела субъекта персональных данных, обретение политических взглядов, внешнее проявление эмоций и т. п.

Примерами *частных актов*, приводящих в динамику абсолютные правоотношения в сфере информационной приватности, являются: совершение сделки, оформление цифровой подписи, сдача биометрии, подписание документов, вступление в брак и т. п.

К примерам *актов публичной власти*, приводящих в динамику абсолютные правоотношения в сфере информационной приватности, можно отнести: выдачу документа, признание инвалидом, призывание на военную службу, акт о привлечении к ответственности и т. п.

2.4. Правомерные действия на свой и чужой счет. Известны ситуации, в которых лица совершают юридические действия, непосредственно влияющие на чужую правовую сферу.

К примерам *действий на чужой счет*, приводящих в динамику абсолютные правоотношения в сфере информационной приватности, можно отнести: совершение должностным или иным уполномоченным лицом действий в отношении субъекта и т. п.

2.5. Сроки. Сроки – это известные моменты времени, измеренные и исчисленные промежутки времени, с наступлением, пропуском, течением и истечением которых законодатель связывает известные правовые последствия, т. е. известные моменты, а также измеренные и исчисленные промежутки времени, являющиеся юридическими фактами (Коструба, 2013)⁹.

Представляется, что сроки чаще всего влияют на динамику именно относительных правоотношений, но и в абсолютных правоотношениях есть место срокам, например: срок исковой давности, срок погашения судимости; испытательный срок, срок полномочий, срок жизни лица, срок действия документа и т. п.

2.6. Фактические составы. Система фактических обстоятельств, приводящая (в совокупности с необходимыми предпосылками и условиями) к наступлению известных правовых последствий, называется фактическим составом (Яроцкая, 2017)¹⁰.

Так, например, правоотношения по защите личного блага информационной приватности могут быть инициированы заинтересованными лицами после смерти субъекта. Тогда же уполномоченные заинтересованные третьи лица могут инициировать правоотношения с оператором персональных данных. Фактическим составом также будет публикация об установлении запретов и условий обработки персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения в соответствии с ч. 10 ст. 10.1 ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных» 2006 г.¹¹ (далее – Закон).

2.7. Юридические аналоги фактов и составов. Правовые последствия связываются не только с собственно фактами (обстоятельствами реальной действительности), но также и с некоторыми другими явлениями, которые трудно назвать фактами.

2.7.1. Юридические состояния. Юридическими состояниями называются юридически значимые характеристики самих субъектов правоотношений (Новикова, 2011; Груздев, 2015)¹². Динамика состояния субъекта персональных данных сама по себе влечет динамику абсолютного гражданского правоотношения информационной приватности в их отношении.

К примерам таких состояний субъекта можно отнести: состояние пребывания под аудио-, видео- или иным наблюдением, видео- или фотосъемкой; состояние пребывания в когорте, аудитории, состоянии пребывания под юрисдикцией государства, состояние здоровья и т. п.

Состояния третьих лиц также могут приводить в динамику абсолютные правоотношения в сфере информационной приватности, например: пребывание в одном сообществе с субъектом и т. п.

⁹ Там же. С. 419.

¹⁰ Там же. С. 45.

¹¹ О персональных данных. № 152-ФЗ от 27.07.2006 (последняя редакция). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

¹² Белов, В. А. (2026). Гражданское право: В 4 т. Т. II. Общая часть: В 2 кн. Кн. 2: Факты (2-е изд.). Москва: Юрайт.

Пребывание государства или отдельных его территорий в определенных состояниях (карантин, чрезвычайное положение, военное положение, комендантский час, ограничение передвижения, иной особый режим и т. п.), как и иных участников правоотношений информационной приватности, может катализировать динамику правоотношений.

Одним из ключевых состояний участников правоотношений информационной приватности является состояние неудовлетворенности той степенью свойства персональных данных, которой они достигли или ожидали достичь, по сравнению с желаемой степенью такого свойства (подробнее о степенях свойств персональных данных – в разделе 2.7.2.1 настоящей статьи). Именно это состояние неудовлетворенности провоцирует участников на совершение юридических действий или актов, приводящих правоотношение информационной приватности в динамику.

2.7.2. Юридические обстоятельства. Юридическими обстоятельствами называются юридически значимые естественные или приобретенные свойства объектов правоотношений. Целый ряд правовых последствий может зависеть от того, является ли объект правоотношения материальным или нематериальным благом; присуще ли ему свойство делимости либо нет; является ли он самостоятельной вещью или ее принадлежностью и т. д.¹³

Как естественные, так и приобретенные свойства персональных данных субъекта влияют на большинство правоотношений в сфере информационной приватности. В частности, организация обработки или последствия утечки персональных данных будут различаться в зависимости от того, являются ли данные обычными персональными или же относятся к специальным категориям персональных данных, от специфики субъекта персональных данных, его возраста (ст. 9, 10, 11, 19 Закона). Для субъектов персональных данных, обладающих особым статусом, законодательство также устанавливает особенности обработки и охраны их данных, например, для свидетелей и участников уголовного процесса¹⁴, сотрудников силовых органов¹⁵, государственных служащих¹⁶ и т. п.

Одним из существенных для правоотношений информационной приватности естественных свойств персональных данных является их несамостоятельность в ряде случаев, принадлежность их к основному или составному объекту (Рожкова, Гломина, 2020)¹⁷, например, документу или иному носителю (далее – основной объект). Так, например, персональные данные могут входить в состав результата интеллектуальной деятельности как его неотъемлемая часть, принадлежность. В этом случае персональные данные будут физически и юридически следовать судьбе основного объекта, а у каждого нового владельца основного объекта будут возникать относительные правоотношения информационной приватности с субъектом.

Как сам субъект, так и иные участники правоотношений информационной приватности, а также третьи лица или внешние факторы могут наделять персональные данные теми или иными свойствами (далее – приобретенные). Поскольку в отличие от естественных свойств генезис приобретенных свойств подчинен чьей-либо воле (кроме свойств, приобретаемых помимо чьей-либо воли), то именно изъявитель такой воли может манипулировать этими свойствами и степенью их проявленности.

Участники правоотношений и третьи лица могут манипулировать такими приобретенными свойствами. В тех случаях, когда такая манипуляция неподвластна никому, вероятно, свойство персональных данных является либо естественным, либо приобретенным помимо чьей-либо воли. Такие свойства персональных

¹³ Белов, В. А. (2026). Гражданское право: В 4 т. Т. II. Общая часть: В 2 кн. Кн. 2: Факты (2-е изд.). Москва: Юрайт.

¹⁴ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. № 119-ФЗ от 20.08.2004 (последняя редакция). (2004). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959/

¹⁵ О федеральной службе безопасности. № 40-ФЗ от 03.04.1995 (последняя редакция). (1995). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6300/; О полиции. № 3-ФЗ от 07.02.2011 (последняя редакция). (2011). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/

¹⁶ О государственной гражданской службе Российской Федерации. № 79-ФЗ от 27.07.2004 (последняя редакция). (2004). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/; О статусе судей в Российской Федерации. № 3132-1 от 26.06.1992 (последняя редакция). (1992). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/; О прокуратуре Российской Федерации. № 2202-1 от 17.01.1992 (последняя редакция). (1992). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/

¹⁷ Себякина, Е. П. (2021). Обработка персональных данных. RPPA. https://rppa.pro/analitika/obrabotka_pd_pri_podpisanii_dokumentov_predstaviteljami

данных можно назвать **постоянными или неуправляемыми**, а подлежащие управлению – **переменными или управляемыми**. В силу невозможности манипуляции постоянными/неуправляемыми свойствами персональных данных само право на информационную приватность в их отношении реализовать затруднительно. Такие свойства обозначают **внутренние пределы осуществления абсолютного права информационной приватности**, за которые ни субъект, ни третьи лица выйти не могут. Аналогичные внутренние пределы, обусловленные свойствами самих объектов прав, существуют и у абсолютных вещных, и у интеллектуальных прав. Таким образом, абсолютное право ограничено не только правами третьих лиц или публичными интересами, но может иметь и внутренние ограничения, обусловленные свойствами самих объектов прав.

Ключевым и наиболее ценным приобретенным свойством персональных данных для правоотношений информационной приватности является их *конфиденциальность*. При этом такое свойство может зависеть от воли как самого субъекта, так и третьих лиц, либо может вовсе не зависеть от чьей-либо воли. Законодательство при этом может поставить степень защиты прав субъекта в зависимость от наличия или отсутствия конфиденциальности его персональных данных.

Для субъекта также важно иметь возможность присваивать свойства некоторым видам своих персональных данных. В частности, в отношении данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения, урегулированных ст. 10.1 Закона, субъекту предоставлено право установить запреты на передачу и обработку или условия обработки неограниченным кругом лиц (см. ч. 9 ст. 10.1 Закона). Это явление есть не что иное, как предоставление субъекту дискреции относительно предстоящей обработки его персональных данных. Ничего подобного не встречается в других правопорядках.

С гражданско-правовой точки зрения публикация об установлении субъектом запретов и условий обработки носит характер юридического факта-действия. После такой публикации свойства персональных данных переходят из разряда желаемых субъектом в разряд ожидаемых.

2.7.2.1. Степени свойств персональных данных. Участники правоотношений формируют определенные субъективные представления о свойствах персональных данных: какими они должны быть в идеале (желаемая степень свойства), какими они не должны быть (избегаемая степень свойства), какими они являются в действительности (достигнутая степень свойства), какими им дозволено или предписано быть законом или соглашением сторон (ожидаемая степень свойства).

Все эти субъективные представления изменчивы сами по себе, а при их сопоставлении друг с другом приводят участников в состояние удовлетворенности, но чаще неудовлетворенности. Несоответствие достигнутого состояния приватности желаемому и стало предметом рассмотрения диалектики приватности, зародившейся в трудах социального психолога Ирвина Альтмана (Altman, 1975. P. 11) в 1970-х гг.

Наибольшей степенью определенности, а значит, и потенциалом юридической значимости обладают представления лиц об обеспеченной законом или соглашением сторон мере дозволенного, предписанного или запрещенного свойства персональных данных, на соответствие которой лицо вправе рассчитывать и обеспечения которой вправе требовать. Речь идет об **ожидаемой степени свойства** персональных данных.

Ожидания участников правоотношения могут возникать на основании публичных заверений (например, обещания защиты с помощью новейших технологий), закона (например, обязательное удаление данных после получения требования), соглашения сторон (например, отсутствие трансграничной передачи, заявленное в политике приватности на сайте), заявления субъекта (например, согласия по ст. 10.1 Закона), политик оператора или подписанного субъектом согласия и т. д. Также ожидания могут явствовать из обстановки и обстоятельств.

Именно ожидаемая субъектом степень любых свойств его персональных данных, а не только их неизвестности¹⁸ или публичности, по мнению автора настоящей статьи, является личным нематериальным благом и объектом личного права на информационную приватность. Право на информационную приватность, таким образом, может быть определено как право на управление ожидаемой степенью любых свойств своих персональных данных.

¹⁸ Здесь автор пересматривает и расширяет свою авторскую формулировку объекта права на информационную приватность, предложенную в одной из предыдущих статей, как состояния неизвестности сведений о себе и своей деятельности, установленного и поддерживаемого самим субъектом права. См. (Себякина, 2024).

2.7.2.2. *Публичность персональных данных как юридическое обстоятельство и объект абсолютного гражданского правоотношения информационной приватности.* В течение периода существования правоотношения персональные данные субъекта могут изменить свое свойство от конфиденциальности до публичности либо до ограниченной доступности (например, стать известными в рамках только определенной группы или сообщества: семьи, учебного класса, трудового коллектива и т. п.).

Еще в 1970-х гг. социальный психолог Ирвин Альтман выдвинул гипотезу о том, что публичность является обратной стороной приватности: «... весь спектр открытости-закрытости личности или группы должен включаться в понятие приватности» (Altman, 1975). Стоит рассматривать свойство публичности персональных данных как диалектическую противоположность свойству конфиденциальности, а их двуединство – в рамках концепции информационной приватности.

В таком случае личное нематериальное благо, защищаемое правом информационной приватности, должно охватывать не только ожидаемую степень конфиденциальности, но и ожидаемую степень публичности персональных данных.

2.7.3. Юридические презумпции. Юридические презумпции, или предположения, суждения относительно фактов, состояний и обстоятельств, существование которых вероятно и потому предполагается. Презумпции подлежат доказательному опровержению и, будучи доказательно опровергнутыми, не применяются. Правовые последствия в этом случае определяются не по презумпции, но на основании достоверно установленного (доказанного) факта.

2.7.3.1. Презумпция: *субъект персональных данных является первоначальным обладателем всех прав на свои персональные данные.* Понятие права на информационную приватность в разделе 1 настоящей статьи сформулировано как право на управление ожидаемой степенью любых свойств своих персональных данных. Такое определение предполагает наличие всеобъемлющего спектра прав субъекта в отношении своих персональных данных и их свойств.

Презумпция того, что субъект персональных данных является первоначальным обладателем всех прав на свои персональные данные, подтверждается, *во-первых*, тем, что **при отсутствии иных условий и законных оснований** для обработки персональных данных оператору приходится испрашивать право на выполнение необходимых ему обработок у субъекта (предоставление таких прав оформляется обычно согласием). А значит, Закон презюмирует, что право на совершение любых действий с персональными данными изначально, еще до начала обработки, принадлежало именно субъекту.

Эта презумпция справедлива и для случаев, когда персональные данные генерируются или иным образом создаются оператором или же возникают в силу иных юридических фактов (события, сроки, состояния, действия третьих лиц и тому подобные) – права на совершение любых действий с такими «новыми» данными возникают непосредственно у субъекта, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон.

Во-вторых, рассматриваемая презумпция подтверждается свободой субъекта отозвать данное им согласие в любой момент, то есть прекратить права, предоставленные оператору. А если оператор выполняет обработку, полагаясь на иные законные основания, кроме согласия, то за субъектом сохраняется право в любой момент потребовать прекращения такой обработки. Следовательно, законодательство презюмирует, что субъект является средоточием прав на любые действия со своими персональными данными и остается таковым, даже несмотря на временное предоставление прав третьим лицам. Скольким бы операторам субъект ни предоставил согласие на обработку персональных данных и у скольких бы операторов ни возникали права на их обработку по другим основаниям, кто бы ни создал персональные данные и кто бы ни получил их в свое распоряжение, субъект продолжает обладать правом как самостоятельно управлять, так и предоставлять третьим лицам права на управление ожидаемой степенью любых свойств его персональных данных. Вероятно, сторонники легализации предоставления некоторых прав на персональные данные по лицензии (или ее аналогу) исходят из этой же презумпции (Jurcys et al., 2020).

Исключения лишь подтверждают правило. Когда волеизъявление субъекта не требуется для начала обработки: 1) она выполняется в интересах самого субъекта, для осуществления прав и законных интересов оператора или третьих лиц либо для достижения общественно значимых целей, 2) она выполняется при условии ненарушения прав и свобод субъекта, 3) субъект продолжает сохранять за собой всю полноту прав (ч. 5.1 ст. 21 Закона).

2.7.3.2. *Презумпция априори отсутствия основания для обработки.* Исходя из того, что, согласно ст. 23 и 24 Конституции РФ, каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, а обработка информации о частной жизни лица без его согласия не допускается, можно предположить, что субъект персональных данных **по умолчанию** не согласен на любую обработку информации о его частной жизни. Специальное законодательство развивает эти положения, позволяя обработку при наличии иных условий (ст. 5, 6, 10 и 11 Закона). Суждение оператора о наличии или отсутствии законного основания может оказаться ошибочным, а выбранное основание обработки – ненадлежащим.

Таким образом, законодательство априори признает основание для обработки отсутствующим, но оператор может доказательно опровергнуть это, предоставив обоснование законности своей обработки в рамках охранительного или процессуального правоотношения (ч. 3 ст. 9 Закона).

2.7.3.3. *Презумпция конфиденциальности.* Очевидно, что ни одно лицо, противостоящее субъекту в абсолютных правоотношениях информационной приватности, не в состоянии знать или выяснить желаемую им степень всех свойств его персональных данных (вероятно, как и сам субъект). Аналогично и субъект не в состоянии знать и выяснить желаемую всеми противостоящими ему третьими лицами степень всех свойств всех его персональных данных. Однако представление об ожидаемой всеми сторонами степени конфиденциальности персональных данных они могут получить из закона или соглашения сторон.

Так, Гражданский кодекс РФ¹⁹ устанавливает презумпцию конфиденциальности информации о частной жизни граждан, которая стала известна в связи с их участием в обязательстве в любом качестве другой стороне обязательства²⁰. Эта презумпция может быть опровергнута лишь соглашением сторон, прямо предусматривающим возможность такого разглашения.

Специальное законодательство также устанавливает такую презумпцию. Так, ст. 7 Закона регулирует не только относительные правоотношения субъекта с оператором, но и абсолютные правоотношения между субъектом и иными лицами, получившими доступ к его персональным данным²¹. Представители оператора и все третьи лица, получившие доступ к персональным данным, «вне периметра» оператора обязаны воздерживаться от раскрытия третьим лицам и распространения персональных данных. Раскрытие и распространение допустимы только при наличии условий обработки, а в их отсутствие Закон предписывает персональным данным пребывание в конфиденциальности – ожидаемой им степени свойства. Таким образом, все участники правоотношений информационной приватности презюмируют, что персональные данные должны оставаться конфиденциальными до тех пор, пока лицо, в распоряжении которого они находятся, не получит согласие от субъекта или не воспользуется иным законным основанием для их раскрытия или распространения. То есть доказательное опровержение **презумпции ожидаемого состояния конфиденциальности персональных данных** совершает сам оператор, который, согласно ч. 3 ст. 9 Закона, обязан предоставить доказательство наличия у субъекта оснований не ожидать конфиденциальности.

Поскольку в абсолютных правоотношениях получить согласие субъекта невозможно, равно как и предоставить его неограниченному числу лиц без конкретного адресата, то **презумпция конфиденциальности персональных данных** субъекта становится одной из важнейших презумпций в сфере информационной приватности. Она позволяет гарантировать конфиденциальность персональных данных в ожидаемой степени.

2.7.3.4. *Презумпция потенциальной незаконности последующего распространения или иной обработки общедоступных персональных данных.* Частным случаем рассмотренной в предыдущем пункте презумпции является презумпция потенциальной незаконности последующего распространения или иной обработки персональных данных, доступных неограниченному кругу лиц (общедоступных). В п. 2 и 3 ст. 10.1 Закона упоминаются абсолютные правоотношения, возникающие по поводу общедоступных персональных данных. Законодатель перечисляет список юридических фактов, приводящих к возникновению этих правоотношений: а) поступок самого субъекта: раскрытие персональных данных неопределенному кругу лиц им самим либо

¹⁹ См. пункт 2 ст. 152.2 ч. 1 ГК РФ.

²⁰ Белов, В. А. (2026). Гражданское право: В 4 т. Т. II. Общая часть: В 2 кн. Кн. 2: Факты (2-е изд.). Москва: Юрайт. С. 433.

²¹ Под действие этой нормы подпадают и относительные деликтные правоотношения субъекта с физическими лицами, осуществляющими автоматизированную (или аналогичную ей) обработку его персональных данных для личных и семейных нужд, если при этом нарушаются права субъекта.

б) раскрытие неопределенному кругу лиц вследствие таких событий, как правонарушение, преступление или обстоятельства непреодолимой силы.

При этом законодатель устанавливает **юридическую презумпцию потенциальной незаконности последующего распространения или иной обработки** таких общедоступных персональных данных, обязывая распространяющее или обрабатывающее лицо доказать законность таких действий. То есть законодатель обязывает нового оператора доказательно опровергнуть установленную презумпцию незаконности такой обработки.

Все время вплоть до момента получения доказательств законности обработки лицом, намеренное обрабатывать доступные неограниченному кругу лиц персональные данные, должно презюмировать: а) потенциальную незаконность такой обработки, а также б) продолжать презюмировать конфиденциальность таких персональных данных, невзирая на то, что они общедоступны. Иными словами, потенциальный оператор должен подвергать сомнению то, что попавшие в публичное поле персональные данные оказались там в полном соответствии с законодательством и волей субъекта, до тех пор пока достоверно не убедится в этом.

Таким образом, рассматриваемая презумпция служит защитой прав и интересов субъекта персональных данных и прямо корреспондирует презумпции конфиденциальности персональных данных.

2.7.3.5. Презумпция избегания субъектом относимости неточных и неотносимости точных персональных данных. Принцип точности (*accuracy*, иногда интерпретируется как принцип достоверности (Бундин, 2021)) персональных данных зародился в 1970-е гг. как ответ на риски компьютеризированного хранения и обработки информации.

В Российской Федерации принцип точности был рецепирован (Дмитрик, 2025. С. 30–31) из Директивы 95/46/ЕС, предоставляя субъекту персональных данных право требовать от оператора уточнения его персональных данных, их блокирования или уничтожения в случае неполноты, устаревания или неточности (далее в общем – неточность), а также предоставляя право на защиту своих прав (ч. 1 ст. 14 Закона). Этому праву корреспондируют обязанности оператора обеспечивать точность, достаточность и актуальность данных, а также уточнять неполные или неточные данные (п. 6 ст. 5 Закона).

Эти нормы в комплексе позволяют всем участникам правоотношений информационной приватности исходить из презумпции избегания субъектом относимости к нему неточных и избегания неотносимости к нему точных персональных данных. Проще говоря, участники презюмируют, что неточность персональных данных для субъекта нежелательна. Практически это позволяет участникам правоотношений не пытаться угадать субъективно желаемую в текущий момент другими участниками степень рассматриваемых свойств (что объективно невыполнимо), а опираться на обеспеченную законом или соглашением сторон меру дозволенного, предписанного или запрещенного свойства точности/неточности персональных данных. То есть **полагаться на ожидаемую участниками степень этих свойств.**

Обнаружив относимость неточных или неотносимость точных персональных данных к нему, субъект вправе обратиться сам, через представителя или надзорный орган к оператору, предоставив ему «подтверждение факта неточности» (сведения или документы, доказывающие неточность относимых или неотносимости точных данных) и потребовать уточнить либо обеспечить уточнение персональных данных и снять их блокирование (чч. 1–2 ст. 21 Закона). То есть инициатива должна исходить от субъекта, и бремя доказывания неточности персональных данных лежит также на нем.

Однако субъект вовсе не обязан требовать исправления неточности. Более того, иногда свойство относимости неточных или неотносимости точных персональных данных может быть не избегаемым, а, напротив, вполне желаемым. Если желаемое свойство не противоречит требованиям законодательства, соглашению сторон, нормам морали, основам правопорядка и нравственности, не нарушает права третьих лиц или публичных интересов, то заинтересованные субъекты, вероятно, могут предпринять соответствующие действия по доказательному опровержению рассматриваемой здесь презумпции или, напротив, бездействовать (умолчать о точной информации, не обратиться к оператору с требованием об уточнении и т. д.).

Так, использование VPN или браузера в режиме инкогнито является наиболее распространенным случаем желаемой неотносимости точных персональных данных. Также распространены и носят зачастую безобидную форму случаи указания субъектом иного возраста, имени или фамилии в соцсетях, непроставления галочек в анкетах и опросниках, использование вместо своего обычного фото изображения, сгенерированного с помощью искусственного интеллекта.

Вместе с тем в целях защиты публичного порядка и интересов операторов отраслевое законодательство зачастую требует от некоторых субъектов предоставления точных и достоверных сведений, а также своевременного исправления неточностей. Оператор и сам вправе установить требования к точности и своевременному исправлению неточностей.

Таким образом, если субъект персональных данных опровергает относимость неточных или неотнесенных к нему точных персональных данных к нему, то презумпция избегания им рассматриваемых свойств подтверждается и, следовательно, она применяется к правоотношениям. Если же субъект не опровергает либо своими действиями придает неточным персональным данным свойство относимости, чем «валидирует» их, или же точным – неотнесенности к себе, то презумпция избегания им рассматриваемых свойств считается опровергнутой и не применяется.

3. Государство как источник юридических фактов

Обычно от имени государства и его субъектов действуют органы государственной власти в рамках своей компетенции, а от имени муниципальных образований – органы местного самоуправления в рамках их компетенции. В силу этого государство в лице своих представителей совершает в основном публичные акты, а не поступки. Действующие от имени государства лица должны выступать в пределах своих полномочий и в соответствии с нормативными актами. При этом их правомерное или неправомерное бездействие также может служить юридическим фактом.

Властные органы участвуют в **частных** правоотношениях в сфере информационной приватности на равных основаниях с иными сторонами, а в **публичных** правоотношениях в сфере информационной приватности – в своем публично-властном качестве. Участвуя в публичных правоотношениях, властные органы могут и даже обязаны²² осуществлять в сфере информационной приватности действия по охране и защите гражданских прав²³.

4. Роль концепции «расширенного “я”» в классификации юридических фактов

У практикующих специалистов в сфере защиты персональных данных часто возникает необходимость хотя бы примерно очертить те сферы жизни и отношений, в которых можно выявить персональные данные, находящиеся в обработке у конкретного оператора. Для решения задачи очерчивания таких сфер жизни человека автор прибегает к заимствованию и дальнейшему развитию уже существующей междисциплинарной концепции – «расширенного “я”» (*extended self*). Ее основоположником является американский философ и психолог Вильям Джеймс. В своем фундаментальном труде о принципах психологии он пишет: «Тело – это самая сокровенная часть материального “я” каждого из нас. Одежда идет следом. Далее, наши ближайшие родственники – это часть нас самих. Наши отец и мать, наша жена и дети – кость от нашей кости и плоть от нашей плоти» (James, 1890). Последователи этой концепции в различных областях науки также различают «основную идентичность» и множество ее проявлений в форме расширений: ролей, отношений, атрибутов и идентификаторов (Belk, 1988; Kerckhove & Almeida, 2013; Cushing, 2011; Bartoli, 2022).

Почему автор рассматривает эту концепцию в работе по информационной приватности? Согласно ч. 1 ст. 3 Закона, персональные данные – любая информация, **относящаяся** к прямо или косвенно определенному или **определяемому** физическому лицу (субъекту персональных данных). Именно для понимания критериев

²² В частности, согласно абз. 2 ст. 1 Положения о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Роскомнадзор является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по защите прав субъектов персональных данных. Постановление Правительства РФ № 228 от 16.03.2009 (ред. от 21.04.2026). (2026). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85889

²³ В случае использования мер административной юрисдикционной защиты возникает относительное охранительное правоотношение информационной приватности. А в случае использования мер судебной юрисдикционной защиты возникает относительное процессуальное правоотношение информационной приватности.

относимости персональных данных и определяемости²⁴ субъекта персональных данных автор использует концепцию «расширенного “я”»²⁵.

Согласно европейскому подходу²⁶ к определению персональных данных, данные **относятся** к субъекту, если содержат информацию не только о самом субъекте, но и о принадлежащих ему или иным образом связанных с ним объектах и людях. Лицо будет считаться **определяемым**, если оно еще не определено, но его возможно определить прямо или косвенно.

Итак, **персональные данные непосредственно по своему определению связаны с концепцией «расширенного “я”» через относимость и определяемость**, поскольку включают в себя все данные, относящиеся к субъекту и его «расширениям», а также данные, позволяющие определить субъекта через его «расширения». Из этого утверждения мы можем прийти к следующим выводам:

1. Невозможно квалифицировать данные одного «расширения “я”» как относящиеся, а другого – как не относящиеся к субъекту персональных данных, поскольку любое «расширение “я”» относится к субъекту по своему определению.

2. Квалифицируя данные о любом из «расширений “я”» как персональные данные, нет необходимости доказывать наличие критерия «относимости» к субъекту персональных данных, если мы можем положительно ответить на вопрос: может ли субъект называть это расширение «расширением *своего* “я”» или нет?

3. Следовательно, данные о любом «расширении “я”» должны квалифицироваться как персональные данные и как данные, относимые к субъекту персональных данных (при наличии, однако, остальных классифицирующих признаков персональных данных²⁷).

Развивая концепцию Вильяма Джеймса о расширениях человеческого «я» в области психологии, автор настоящей работы предлагает выделять именно для сферы информационной приватности следующие «расширения “я”» в качестве областей жизнедеятельности физического лица, внутри или в отношении которых могут происходить юридические факты, приводя правоотношения информационной приватности в динамику:

а) **основное “я”**: тело, его состояния, особенности, паттерны движения, физиологические, психические, биометрические, генетические, медицинские и иные параметры, характеристики и состояния; личность, ее атрибуты, характеристики, навыки, способности, состояния; демографические данные, титулы, звания, статусы, перемещения в пространстве, потребляемый контент, контактные данные и т. д.;

б) **производные от “я”**, их наименования, идентификаторы, содержание, проявления, коммуникации, атрибуты, активности в реальной или виртуальной сфере, поведение, персональные настройки, история, логи и т. д.: цифровая личность; сгенерированная на основании персональных данных «копия субъекта»; профили в социальных сетях, мессенджерах, внутренних системах, иных приложениях и сайтах; производные автономные личности: бот, робот; профессиональные и иные роли; описанная/обозреваемая личность: репутация, характеристики, отзывы, заметки о субъекте, оценки, лайки, комментарии, досье, биография, интервью и т. д.; видеоматериал, аудиосообщения, фото субъекта и т. д.;

²⁴ Себякина, Е. П. (2020). Классифицирующие признаки персональных данных. RPPA. https://rppa.pro/analitika/klassificirujuschie_priznaki_personalnyx_dannyx

²⁵ Прикладное значение применения концепции «расширенного “я”» имеется не только для развития теории права информационной приватности, но и для теории гражданского права в целом. Например, эта концепция помогает понять причину феномена «переживания» личными правами и нематериальными благами своих обладателей. Белов, В. А. (2026). Гражданское право: В 4 т. Т. III. Особенная часть: Абсолютные гражданско-правовые формы: В 2 кн. Кн. 2: Права исключительные, личные и наследственные. Юрайт. Пп. 876–881. Исходя из концепции «расширенного “я”» в интерпретации автора, субъект вполне может рассматривать как продолжение своей личной сферы – сообщества, группы – отношения, в которых он участвует, а также их участников. Если не все из них, то хотя бы «ближний круг» этих третьих лиц ощущается субъектом как неотъемлемая часть его личности. Следовательно, применяя концепцию «расширенного “я”» к исследованию феномена «переживания» прав, становится ясно, каким именно образом и почему социальные условия формирования и сохранения представлений о живущем или умершем третьем лице могут стать объектом личных прав самого субъекта, при наличии у него на то законного интереса. Фактически личные права третьих лиц не «переживают» своих правообладателей, а изначально каждый из нас имеет личные права, объектом которых являются социальные условия формирования и сохранения общественных ассоциаций (представлений) о жизни и деятельности наших близких людей (как живущих, так и еще не рожденных или умерших).

²⁶ Opinion 4/2007 on the concept of personal data, adopted on 20th June of 2007 by Article 29 Data protection working party. P. 9, 12. https://ec.europa.eu/justice/article-29/documentation/opinion-recommendation/files/2007/wp136_en.pdf

²⁷ Там же.

в) **принадлежности субъекта**, их идентификаторы, перемещения, видеозаписи, метаданные, логи, куки, активности в реальной и цифровой сфере: материальные и нематериальные объекты, принадлежащие субъекту или находящиеся в его владении/пользовании/распоряжении; животные (живущие и умершие): скот, питомцы-компаньоны, домашние животные и т. д.;

г) **сообщества, группы, отношения субъекта и их участники**: живущие и умершие партнеры, супруги, семья, предки, потомки; участники правоотношений, бизнес-партнерств и т. д.; группы, участники встречи/происшествия/компании/кампании/мероприятия/события/чрезвычайной ситуации и т. д.; личный или профессиональный круг общения и т. д.;

д) **представляемые субъекта**: несовершеннолетние, недееспособные, опекаемые; умершие/нерожденные: дети (утробные, суррогатные, иначе воспроизведенные), родственники и другие представляемые;

е) **представители субъекта**: родители, усыновители, наследники, опекуны, попечители, поверенные и иные представители.

Итак, чтобы не выхватывать из жизни примеры юридических фактов хаотично и бессистемно, автор применяет концепцию «расширенного “я”» в качестве систематизирующего метода, последовательно очерчивающего все сферы жизнедеятельности субъекта, внутри или в отношении которых могут происходить юридические факты и, как следствие, возникать, изменяться и прекращаться правоотношения информационной приватности.

5. Подход к исследованию юридических фактов, приводящих в динамику правоотношения информационной приватности, путем комбинации классификаций

Принимая во внимание все многообразие видов юридических фактов, автор предлагает исследовать их в четыре шага:

1) сгруппировать юридические факты по типу: поступки, акты, неправомерные поступки/бездействие и состояния;

2) сгруппировать юридические факты для каждого типа правоотношений по критерию инициатора/катализатора того или иного юридического факта: а) сам субъект персональных данных, б) третьи лица (другие участники правоотношения, не участвующие в правоотношении лица, участники сообщества с субъектом), в) государство (в том числе надзорный орган или суд) и г) события;

3) наложить «расширения “я”» на обе выделенные группы юридических фактов;

4) сгруппировать юридические факты по результату их воздействия на динамику правоотношений (возникновение, изменение или прекращение правоотношения).

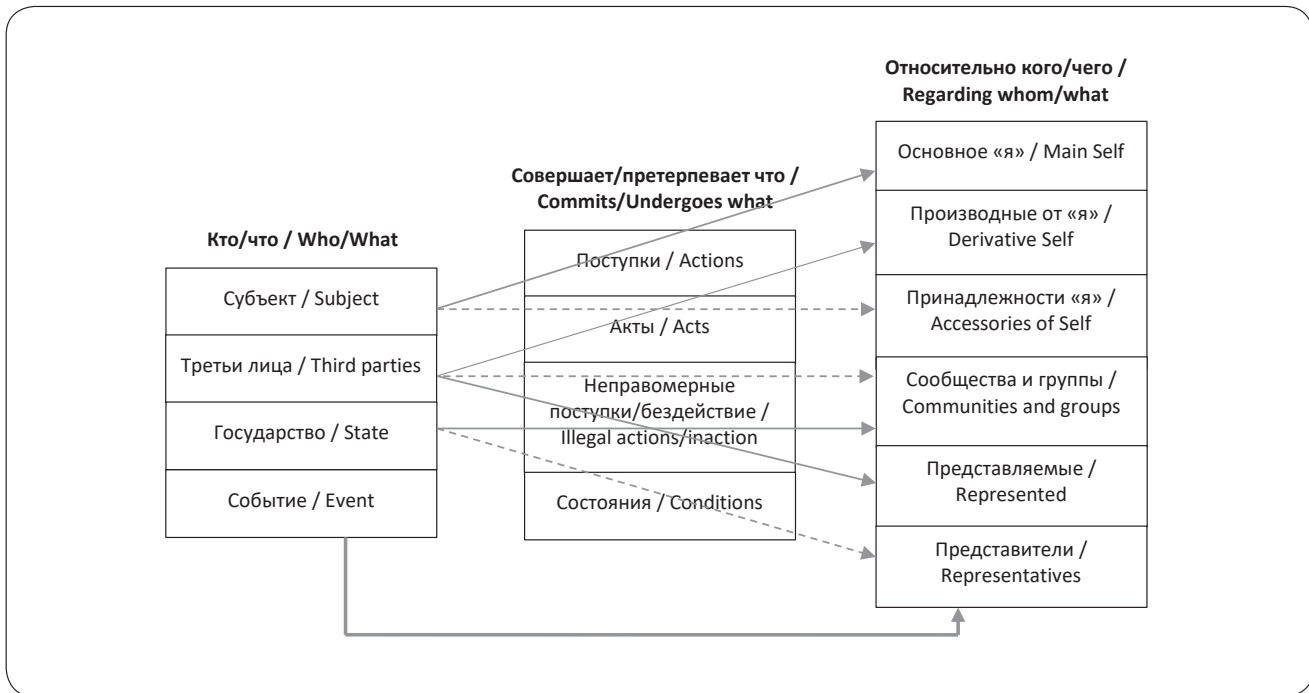
Данный подход позволит систематизировать все многообразие юридических фактов, глубже разобраться в специфике и закономерностях динамики правоотношений, выявить скрытые закономерности.

Схематично суть и логика комбинации классификаций изображена на рисунке, где каждый элемент поочередно «нанизывается» на нить бытия (стрелки), в конечном итоге объединяя в себе три критерия: кто инициировал юридический факт (или что), совершив/претерпев что и в отношении какого из «расширений “я”» субъекта персональных данных. Практически эта визуализация демонстрирует ход мысли при абдуктивном методе анализа действительности (Гребенников и др., 2017), когда юрист-правоприменитель, столкнувшись с фактом действительности, должен реконструировать предшествовавшую этому факту юридическую действительность, включая правоотношение и его состав. Применяя метод абдукции, исследователь продвигается «снизу вверх», собирая и соединяя отдельные факты для разработки гипотез. Используя абдуктивный анализ, исследователь (а равно судья, инспектор, проверяющий, следователь, консультант, адвокат, юрист и т. п.) может выдвинуть также гипотезы о типе правоотношения, стадии его динамики, составе и т. д.

На основании выполненного в настоящей работе анализа (а также проведенного за ее рамками подробного исследования примеров юридических фактов с использованием указанного матричного метода исследования) автором выявлены следующие закономерности и сделаны следующие обобщающие выводы:

1. Динамика юридического факта приводит в динамику и правоотношение.

2. Возникновение, изменение, уничтожение персональных данных, а также утрата ими относимости к субъекту – наиболее распространенные юридические факты, приводящие в динамику абсолютное гражданское правоотношение информационной приватности.

Визуализация матричной классификации
Visualization of the matrix classification

3. Правоотношение, возникшее в результате юридического состава, приводится в динамику также юридическим составом.

4. Для каждого «расширения «я»» характерны свои типы юридических фактов.

5. Тот же «инициатор» юридического факта, который привел к возникновению правоотношения, будет и впоследствии являться ведущим катализатором динамики этого правоотношения при его нормальном течении: если государство – то государство, если третье лицо – то третье лицо и т. п.

6. Независимо от «инициатора» любое правоотношение может прийти в аномальную динамику событием, случаем, неправомерным действием/бездействием стороны или третьего лица.

Примечательно, что изложенные закономерности и выводы могут иметь практическую значимость не только для абсолютных правоотношений и не только в сфере информационной приватности. Представляется, что исследователи в области как частного, так и публичного права могут использовать выявленные закономерности, а также матричный метод классификации для исследования юридических фактов в своих сферах права.

Заключение

Выполненное в настоящей работе исследование позволило реализовать поставленную цель – выявить и систематизировать юридические факты в сфере информационной приватности посредством предложенного автором матричного метода классификации, основанного на комбинации критериев классификации. В результате анализа многочисленных примеров юридических фактов были выявлены логика и закономерности динамики правоотношений в данной сфере права.

Ключевым результатом исследования стала иллюстрация практического применения матричного метода классификации, который может послужить новым методом дальнейших исследований в области права.

Использование междисциплинарной концепции «расширенного «я»» позволило систематизировать сферу жизнедеятельности субъекта персональных данных и использовать их в качестве одного из критериев матричной классификации юридических фактов. Применение этой концепции также позволило прийти к выводу, что такие свойства персональных данных, как их относимость к субъекту и определяемость по

ним субъекта, являются также квалифицирующими признаками персональных данных в соответствии с европейским подходом^{28, 29}.

Детальный анализ естественных и приобретенных свойств персональных данных позволил не только выявить их значение как юридических обстоятельств, но и обнаружить концептуальную важность ожидаемой степени свойств персональных данных.

В рамках исследования автор также пересматривает предложенное в одной из предыдущих работ (Себякина, 2024) определение объекта личного нематериального права на информационную приватность путем его расширения за счет включения в него всех свойств персональных данных, а не только их неизвестности. Также автор обнаруживает внутренние пределы осуществления абсолютного права информационной приватности, что углубляет его понимание.

Используя изложенные в работе знания о юридических фактах и применяя абдуктивный метод исследования, лицо, практикующее в сфере информационной приватности, сможет выдвигать обоснованные гипотезы о правовой квалификации наблюдаемых им явлений и реконструировать юридическую реальность в этой сфере.

В ходе исследования автором сформулированы пять презумпций в сфере информационной приватности, призванных снизить уровень правовой неопределенности при квалификации фактов и распределении бремени доказывания в спорах, связанных с нарушением прав информационной приватности. Обосновано прикладное значение предложенных подходов: разработанная матричная методология и система презумпций могут использоваться законодателем при формировании правовых норм, правоприменителями – при их толковании, квалификации юридически значимых фактов, выявлении скрытых правоотношений, а также защите прав субъектов персональных данных, а судами – при разрешении споров о нарушениях прав информационной приватности.

Список литературы

- Албогачиев, А. А., Гандалоев, Р. Б., Галаева, М. И. (2021). Становление представлений о юридических фактах. *Образование и право*, 7, 70–76. EDN: LKYXNU
- Бакирова, Д. М. (2023). Основные подходы к определению понятия «юридический факт». *Пробелы в российском законодательстве*, 16(1), 29–33. EDN: XNOLPOL
- Бундин, М. В. (2017). *Персональные данные в системе информации ограниченного доступа*: дис. ... канд. юрид. наук. EDN: CFEAGH
- Бундин, М. В. (2021). Принцип достоверности в регулировании защиты персональных данных. *Право и государство: теория и практика*, 11(203). EDN: OSNQHC. DOI: 10.47643/1815-1337_2021_11_142
- Вишневицкий, А. Ф. (2013). Становление и развитие учения о юридических фактах. В сб. *Право и демократия: сборник научных трудов* (Вып. 24). Минск: БГУ.
- Герашенко, А. И. (2022). Диалектика информационной приватности. *Международное правосудие*, 4(44), 51–72. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2022-4-51-72>
- Гребенников, В. В., Понкин, И. В., Редькина, А. И. (2017). Метод абдукции как метод научного исследования. *Образование и право*, 5, 8–12. EDN: YURFKN
- Груздев, В. В. (2015). Правовое состояние личности. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*, 21(2), 167–172. EDN: TOMXZV
- Дмитрик, Н. А. (2025). *История и теория приватности*. Инфотропик Медиа.
- Коструба, А. В. (2013). К вопросу о завершении срока. *Вестник Башкирского университета*, 18(3), 924–927. EDN: REVBLP
- Кротова, Е. Н. (2020). Понятие неправомерного деяния. *Юридическая наука и практика*, 3(51), 190–194. EDN: STOONW. DOI: 10.36511/2078-5356-2020-3-190-194
- Матвеев, Е. В. (2024). Корпоративная ценность информационной приватности. *Журнал Суда по интеллектуальным правам*, 1(43), 121–133. EDN: HXEJDR. DOI: 10.58741/23134852_2024_1_13
- Новикова, Ю. С. (2011). Место фактов-состояний в классификации юридических фактов. *Вестник Удмуртского университета*, 4, 139–141.
- Рожкова, М. А., Глонина, В. Н. (2020). Персональные и неперсональные данные. В сб. *Право цифровой экономики*, 16 (с. 271–296). Москва: Статут. EDN: JIFWNM

²⁸ Opinion 4/2007 on the concept of personal data, adopted on 20th June of 2007 by Article 29 Data protection working party. P. 9, 12. https://ec.europa.eu/justice/article-29/documentation/opinion-recommendation/files/2007/wp136_en.pdf

²⁹ Себякина, Е. П. (2020). Классифицирующие признаки персональных данных. RPPA. https://rppa.pro/analitika/klassificirujuschie_priznaki_personalnyh_dannyx

- Савиньи, Ф. К. фон. (2012). *Система современного римского права* (Т. 2). Москва: Статут.
- Себякина, Е. П. (2024). Теория права информационной приватности. *Журнал Суда по интеллектуальным правам*, 2(44). EDN: FNCXHE. DOI: 10.58741/23134852_2024_2_7
- Титов, Е. В. (2021). Понятие и признаки юридического действия. *Пролог: журнал о праве*, 3(31). EDN: UANGDN
- Чеснокова, Л. В. (2024). Трансформация информационной приватности. *Общество: философия, история, культура*, 5(121). EDN: ATOSQP. DOI: 10.24158/fik.2024.5.17
- Якушев, П. А. (2003). *Юридические акты и поступки как основания правоотношений*. ВГПУ. EDN: QVXGGH
- Яроцкая, М. В. (2017). Истоки учения о юридических составах. *Право: история и современность*, 1, 117–125. EDN: ХТВQFN. DOI: 10.17277/pravo.2017.01.pp.117-125
- Ячменёв, Ю. В. (2012). Доктрина юридических фактов. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1(53), 75–80. EDN: OXREAB
- Altman, I. (1975). *Environment and social behavior: Privacy, personal space, territory, crowding*. Monterey, Calif.: Brooks/Cole.
- Bartoli, C. (2022). Consumer self-concept and digitalization: What does this mean for brands? *Italian Journal of Marketing*, 2022(4), 419–437. EDN: HORPSM. DOI: 10.1007/s43039-022-00059-8
- Belk, R. W. (1988). Possessions and the extended self. *Journal of Consumer Research*, 15(2), 139–168. <https://doi.org/10.1086/209154>
- Cushing, A. (2011). Self-extension and the desire to preserve digital possessions. In *Proceedings of the American Society for Information Science and Technology*. <https://doi.org/10.1002/meet.2011.14504801304>
- Finn, R. L., Wright, D., & Friedewald, M. (2013). Seven types of privacy. In S. Gutwirth et al. (Eds.), *European data protection: Coming of age* (pp. 3–32). Springer Science; Business Media Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-007-5170-5_1
- James, W. (1890). *The principles of psychology*. New York: Holt.
- Jurcys, P., Donewald, C., Globocnik, J., & Lampinen, M. (2020). My Data, My Terms: A Proposal for Personal Data Use Licenses. *Harvard Journal of Law & Technology Digest*, 33.
- Kelsen, H. (1967). *Pure theory of law*. University of California Press*.
- Kerckhove, D., & Almeida, C. M. (2013). What is a digital persona? *Technoetic Arts*, 11(3). https://doi.org/10.1386/tear.11.3.277_1
- Merkl, A. (1931). Prolegomena einer Theorie des rechtlichen Stufenbaues. In A. Verdross (Ed.), *Gesellschaft, Staat und Recht. Untersuchungen zur Reinen Rechtslehre*. (pp. 252–294). https://doi.org/10.1007/978-3-7091-5991-0_9

References

- Albogachiev, A. A., Gandaloev, R. B., & Galaeva, M. I. (2021). Formation of ideas about legal facts. *Obrazovanie i pravo*, 7. (In Russ.).
- Altman, I. (1975). *Environment and social behavior: Privacy, personal space, territory, crowding*. Monterey, Calif.: Brooks/Cole.
- Bakirova, D. M. (2023). Main approaches to defining the concept of “legal fact”. *Gaps in Russian Legislation*, 16(1), 29–33. (In Russ.).
- Bartoli, C. (2022). Consumer self-concept and digitalization: What does this mean for brands? *Italian Journal of Marketing*, 2022(4), 419–437. <https://doi.org/10.1007/s43039-022-00059-8>
- Belk, R. W. (1988). Possessions and the extended self. *Journal of Consumer Research*, 15(2), 139–168. <https://doi.org/10.1086/209154>
- Bundin, M. V. (2017). *Personal data in the system of classified information: Cand. Sci. (Law) thesis*. (In Russ.).
- Bundin, M. V. (2021). The principle of reliability in the regulation of personal data protection. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 11(203). (In Russ.). https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_11_142
- Chesnokova, L. V. (2024). Transformation of information privacy in the modern digital society. *Society: Philosophy, History, Culture*, 5(121). (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2024.5.17>
- Cushing, A. (2011). Self-extension and the desire to preserve digital possessions. In *Proceedings of the American Society for Information Science and Technology*. <https://doi.org/10.1002/meet.2011.14504801304>
- Dmitrik, N. A. (2025). *History and theory of privacy*. Moscow: Infotropik Media.
- Finn, R. L., Wright, D., & Friedewald, M. (2013). Seven types of privacy. In S. Gutwirth et al. (Eds.), *European data protection: Coming of age* (pp. 3–32). Springer Science; Business Media Dordrecht. https://doi.org/10.1007/978-94-007-5170-5_1
- Gerashchenko, A. I. (2022). Dialectics of information privacy and information security. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 4(44), 51–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2022-4-51-72>
- Grebennikov, V. V., Ponkin, I. V., & Redkina, A. I. (2017). The method of abduction as a method of scientific research. *Obrazovanie i Pravo*, 5, 8–12. (In Russ.).
- Gruzdev, V. V. (2015). Legal condition of the personality as substational and functional legal phenomenon. *Vestnik KGU*, 21(2). (In Russ.).
- James, W. (1890). *The principles of psychology*. New York: Holt.
- Jurcys, P., Donewald, C., Globocnik, J., & Lampinen, M. (2020). My Data, My Terms: A Proposal for Personal Data Use Licenses. *Harvard Journal of Law & Technology Digest*, 33.

- Kelsen, H. (1967). *Pure theory of law*. University of California Press*.
- Kerckhove, D., & Almeida, C. M. (2013). What is a digital persona? *Technoetic Arts*, 1–6. https://doi.org/10.1386/tear.11.3.277_1
- Kostruba, A. V. (2013). To termination as right depriving jurial fact and its action in right deprivation legal mechanism. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 18(3), 924–927. (In Russ.).
- Krotova, E. N. (2020). The concept of an unlawful act in the system of legal facts. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3(51), 190–194. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2020-3-190-194>
- Matveev, E. V. (2024). Corporate value of informational privacy. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*, 1(43), 121–133. (In Russ.). https://doi.org/10.58741/23134852_2024_1_13
- Merkel, A. (1931). Prolegomena to a theory of the hierarchy of law. In A. Verdross (Ed.), *Society, state and law: Investigations into the pure theory of law* (pp. 252–294). https://doi.org/10.1007/978-3-7091-5991-0_9
- Novikova, Yu. S. (2011). Facts-conditions in the classification of legal facts. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 4, 139–141. (In Russ.).
- Rozhkova, M. A., & Glonina, V. N. (2020). Personal and non-personal data. In *Law of digital economy*, 16, 71–296. Moscow: Statut. (In Russ.).
- Savigny, F. C. von. (2012). *System of modern Roman law* (Vol. 2). Moscow: Statut. (In Russ.).
- Sebyakina, E. P. (2024). The theory of informational privacy law: classification of legal relationships. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*, 2(44). (In Russ.). https://doi.org/10.58741/23134852_2024_2_7
- Titov, E. V. (2021). The concept and characteristics of a legal action in civil law. *Prologue: Law Journal*, 3(31). (In Russ.).
- Vishnevskiy, A. F. (2013). Formation and development of the doctrine of juridical facts. In *Law and democracy: collection of scientific works* (Vol. 24). Minsk: BGU. (In Russ.).
- Yachmenev, Yu. V. (2012). The doctrine of legal facts: the problems of industry approach. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(53), 75–80. (In Russ.).
- Yakushev, P. A. (2003). *Juridical acts and deeds as bases of legal relations*. Vladimir: VSPU. (In Russ.).
- Yarotskaya, M. V. (2017). The origins of the doctrine of legal (factual) composition in civil law. *Pravo: istoriya i sovremennost*, 1, 117–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.17277/pravo.2017.01.pp.117-125>

* Возможно, связана с нежелательной в РФ организацией / Possibly associated with an organization considered undesirable in the Russian Federation.

Вклад автора

Автор подтверждает, что полностью отвечает за все аспекты представленной работы.

Author's contribution

The author confirms sole responsibility for all aspects of the work.

Информация об использовании искусственного интеллекта

ИИ не использовался.

Information about the use of artificial intelligence

AI was not used.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Автором не заявлен / No conflict of interest is declared by the author

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 15.01.2026

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 19.04.2026

Дата принятия в печать / Accepted 18.05.2026